

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

- 3 ОКТ 1982

Одна из героинь романа Вацлава Михальского «17 летних сапог», обращаясь к человеку, с которым ее связывают долгие годы безудбой любви, записывает в дневниковой тетради: «Вся моя жизнь мелодрама, почти жестокий романс». Однако мы, читатели, догадываемся, что эта оценка принадлежит не ей, что в этот момент Лиза Зыкова как бы взглянула на себя глазами адресата, предугадала его реакцию на ее исповедь. Мелодрама, жестокий романс — наверняка как раз этими словами «отделался» бы виновник ее трагедии от боли, которой кричит «тетрадь Лизы!» Да и Вацлав Михальский произносит их не без намерения — у него тоже, видимо, были основания предполагать, что именно в мелодраматизме, в «жестокости», выжимающей слезу сентиментальности может обвинить его критика. То, что подобное опасение возникло не на густом месте, подтверждают и опубликованные несколько лет назад в журнале «Вопросы литературы» странички из его писательского блокнота. Уж очень азартно отстаивает Михальский право прозаика на некоторую сентиментальность, чересчур уж решительно утверждает, что писатель должен трогать сердца, а не только разрешать проблемы, ставить вопросы.

Критика простила прозе Михальского чувствительность, больше того, именно в ней увидела сильную сторону и дарования, и позиции. Я имею в виду рецензию С. Чупринина, опубликованную в июньской книжке «Нового мира». Автор ее увлекся проблемой «неосентиментализма»,

невольно затеяв ею остальные положения и мысли, и свои, и те, с которыми вышли к читателю рецензируемые книги: «Стрелок» и «Все уносящий ветер...» Возьмите «Холостую жизнь». С. Чупринин увидел в ней лишь безговорочное осуждение челове-

всему, Михальский вообще не из тех художников, кто, раз найдя, перестают искать. Наоборот, тут-то и начинается многолетний поиск!

«Дар воображения» — эту формулу нашел для В. Михальского В. Катаев. Эффектно. И лестно. И справедливо. Но,

ке, в которую был влюблен Саша.

В. Михальского можно, и без особой натяжки, подключить к той ветви отечественной литературы, что из многих «важных задач выделяла в первую очередь и по преимуществу... воспитание чувств...» Но, думается, с еще большим основанием мы можем и говорить о влиянии Чехова. Перечтите «Холостую жизнь» — это же вариация на заданную в «Даме с собачкой» тему! Но именно вариация, составленная из множества современных оттенков, а не стилизация или подражание! Чехов для него не только советчик и собеседник, но еще и мастер, в руках которого эталон прозаической фразы! Чтобы не быть голословной, приведу выдержку из «Баллады о старом оружии» как пример стилистически ориентированного на Чехова текста: «Слепящее солнце стояло в полденьшем от зноя пустынном небе. Полуденное освещение сковало степь; листья на тополях застыли, словно жестяные, кузнечики не ковали своих песен, птицы схоронились по гнездам и теням... Вода канала, мутная и густая, двигалась напряженно — медленно, едва приметно глазу, будто против своей воли». Проза Михальского многолюдна и разнохарактерна: не полуабстрактное множество, а реальная многокость российского юго-востока, и прежде всего города детства писателя, у самого синего моря, — Махачкалы.

Все лучшее из того, что имеет, отдал Михальскому этот яркий, на особый лад сложенный город, все уместил в дорожном чемоданичке своего посланца — веселость и разномыслие, говор, сложенный из наречий многих племен и народов, живущих здесь дружной советской семьей.

Алла МАРЧЕНКО.

Воспитание чувств

СРЕДИ КНИГ

ка, «равнодушного к «мысли семейственной». Но, во-первых, герой повести — преупевающий экономист Антонов — никак не может быть отнесен к числу людей, изначально безразличных к идее семейственности, оттого так и неуютно ему в «холостой» жизни. Даже внезапное решение героя жениться рождено не чувством, а напряжением мысли, ищущей выхода из пустоты. Вот почему, Михальский не только осуждает Антонова, он старается понять, почему именно так, а не иначе ведет себя этот квазизабавный удачливый — и на randevu, и в прочих бытовых и не совсем бытовых обстоятельствах. А кроме прочего, Антонов — не начало, а продолжение поиска, еще один оттенок давно занимающего писателя характера, характера человека, непонятно почему, но сносимого в сторону от оседлой жизни. Вспомните Николая из «Баллады о старом оружии», музыканта из «Капитолийской волчицы», холдного мечтателя из рассказа «В пределах земном». Судя по

попав под обаяние размахистского катаевского жеста, мы рискуем проглядеть в Вацлаве Михальском нечто не менее важное: непреходящее с годами любопытство к жизни, а если еще точнее — удивление перед воображением жизни, непредсказуемостью ее решений, неисчерпаемостью ее фантазий. Способность эта — удивляться — черта симпатичная и сама по себе, но особенно заметная в контексте современной прозы, которая все больше удивить хочет. Любуй ценю, но удивить, поразить! Некоторые из сюрпризов всеильного Случая вызывают у Михальского доверие, и даже «доверчивость» к жизни, другие, наоборот, удивляют неоправданной, несправедливой — так и хочется сказать: немотивированной! — жесткостью: смерть Саши в «Балладе о старом оружии», например. Казалось бы, после того, что уже пережил этот юноша, судьба должна бы пощадить его. Но не щадит: Саша гибнет, спасая своего товарища, товарищ, выжив и отвоював, женится на девуш-

В. Михальский. «Все уносящий ветер...» М., «Советский писатель», 1981 г.